

ВВЕДЕНИЕ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ*

В этой книге собраны материалы по мотивам ряда статей, которые были написаны автором в качестве послесловий к вышедшим недавно переводам книг Никласа Лумана, одного из самых влиятельных философствующих социологов современности. Данный труд не является переизложением лумановских идей, хотя они как раз и нуждаются в подробнейшем изложении, интерпретации и адаптации их к русскому языку и к принятым у нас постановкам проблем. Возможно, здесь не обойтись и без некоторой адаптации русского языка по отношению к наследию немецкого социолога. Язык Лумана труден, но эти трудности не вызваны традиционной сложностью структуры немецких предложений. Трудности его, прежде всего, вытекают из обилия новых понятий, смысл которых Луман не считает нужным прояснять, в особенности в своих завершающих работах, поскольку, с одной стороны, он не без оснований полагает, что у читателей уже была возможность познакомиться и усвоить значения вводимых терминов в более ранних трудах, а с другой — считает читателя равноправным и равно эрудированным экспертом. Эта книга и ставит себе задачу восполнить этот пробел, причем проясняемые понятия рассматриваются в их теоретико-познавательном контексте, и поэтому их смысл оказывается несколько шире той роли, которую они играют непосредственно в теории социальных систем Никласа Лумана. Именно эпистемологический фундамент социологической теории показался автору проблемой, требующей внимания, и именно отсюда вытекает структура предлагаемого текста.

Краткая биографическая справка:

- Никлас Луман родился в 1927 г. в семье владельца пивоварни в Люнебурге.
- 1943–44 гг. в возрасте 15–16 лет работает в обслуживающем персонале Люфтваффе.

* Книга написана при поддержке немецкого фонда Александра фон Гумбольдта и социологического факультета университета г. Билефельд. Выражаю также огромную признательность профессору социологии университета г. Билефельда Хартману Тюрелю (Herrn Prof. Hartmann Tyrell) за оказанную помощь в период моей работы в Германии.

- 1945 г. — пленение американцами.
- 1945 г. — экзамен на аттестат зрелости в школе Иоханитов в Люнебурге.
- 1946—49 гг. — изучение юриспруденции во Фрайбурге.
- 1952—53 гг. — начало создания знаменитой картотеки Н.Лумана.
- 1954 г. — служба в Высшем административном суде в Люнебурге.
- 1955—62 гг. — референт ландтага в министерстве культуры Нижней Саксонии.
- 1960 г. — брак с Урсулой фон Вальтер.
- 1960—61 гг. — стажировка в Гарвардском университете у Т.Парсонса.
- 1962—65 гг. — референт в исследовательском институте при Высшей школе административных наук в Шпейере.
- 1964 г. — публикация первой книги: «Функции и следствия формальной организации».
- 1965 г. — по приглашению Гельмута Шельски работает руководителем социально-научных исследований в Дортмунде.
- 1966 г. — первая и вторая книги («Право и автоматизация общественного управления») засчитываются в качестве соответственно кандидатской и докторских диссертаций в университете г.Мюнстер.
- 1967 г. — программное выступление под названием «Социологическое просвещение».
- 1968 г. — назначение профессором социологии в новообразованном реформ-университете г.Билефельда.
- 1971 г. — Хабермас и Луман публикуют свою дискуссию в виде книги «Теория общества или социальная технология. В чем достижения системного исследования?».
- 1977 г. — смерть жены.
- 1984 г. — выходит книга «Социальные системы».
- 1988 г. — Тегелевская премия г.Штутгарт.
- 1993 г. — выход на пенсию. Программная заключительная лекция «Что существует? Или что за этим скрыто?».
- 1997 г. — выход завершающего труда «Общество общества».
- Никлас Луман умер 6 ноября 1998 г. в Эрлингсхаузе под Билефельдом.

Порядок из парадокса — основной вопрос социологии

Загадочное название самой главной книги Н.Лумана «Общество общества», завершающей его грандиозный проект, расшифровывается весьма просто. Речь здесь идет о «теории коммуникаций», причем о такой теории, которая в свою очередь воплощается в коммуникативных актах, предлагается для обсуждения и, как всякая коммуникация, не просто тематизирует, но и *манifestирует* общество. Ведь

последнее, вбирая в себя все коммуникации, получает настолько широкое определение, что его теоретические описания уже не могут осуществляться где-то вне его и, следовательно, образуют часть его самого, а именно научную подсистему коммуникаций, социологию, теорию познания. Эта парадоксальная самообращенность, представление об обществе как о «само себя толкующем» — стержневой мотив лумановской концепции. Здесь коренится и фундаментальный мотив всей лумановской методологии: возвращение или вхождение описания предмета в сам предмет описания. Социология («общество общества»), наблюдая, обнаруживает в своем предмете и себя саму, превращаясь в описание описания.

Но в «описании описания» сам первичный предмет рассмотрения словно растворяется. Поэтому из социологии, считает Луман, должны быть изгнаны внешние миры коммуникации — люди, сознания¹, организмы, артефакты, которые теряют свое значение социального факта в его дюркгеймовском понимании: непреложной необходимости, с которой должно считаться любое социальное взаимодействие и которая ранее полагалась предметом социологии. Не предмет, но его описание, а точнее сама тематизирующая его коммуникация, отныне становится главным и единственным социальным фактом. Все предметы коммуникации (ее внешние миры: люди, сознания, объекты) могут быть представлены лишь коммуникативно², то есть внутри системы общества, которое, таким образом, превращается в замкнутую последовательность соотносящихся лишь друг с другом операций.

В социологию этот кибернетический сюжет привносится Луманом из парадигмы так называемой кибернетики второго порядка, развиваемой в Иллинойском университете австрийско-американским физиком Хайнцем фон Ферстером, чилийскими биологами Умберто Матурана и Франциско Варела и др. Этот кибернетический подход должен был помочь решить классическую, поставленную еще Гоббсом, проблему источников социального порядка. Последняя оказывается в каком-то смысле одинаково релевантной как для математики, так и для социологической теории; как для биологии, так и для теории сознания.

В социуме «невероятность» порядка вытекает уже из природы времени:

«Вопрос состоит в том, как вообще возможна социальность в условиях одновременности (=неконтролируемости); и ответ гласит: благодаря конституированию объектов как собственных значений протекающего во времени процесса поведения»³, — пишет Луман.

И действительно, нормы, ценности, консенсус, санкции, взаимный интерес, рациональность, власть и все иные гарантии порядка бессильны перед тем, что происходит в настоящем. Но если реагировать можно лишь на прошлое, что же обеспечивает порядок в данное мгновение? И, с другой стороны, согласия (консенсуса) в обществе может и не быть, но разве перестает оно от этого являться обществом, разве исчезает в ходе конфликта коммуникативное общение, а следовательно, и само общество? Разве асоциальность и аномия локализованы где-то вне его? Разве единственно-возможным определением нормативности не является отсылка к девиантности, к «другой стороне» нормы?

Для ответа на эти вопросы Луман и обращается к системе кибернетических, математических, физиологических и биологических понятий, заимствует понятие собственных значений⁴. И в обществе, а не только в математике, присутствуют собственные значения, под которыми понимаются своеобразные социальные инварианты порядка и которые не могут быть сведены ни к консенсусу, ни к общим ценностям, ни к рациональности. Эти «собственные значения» и обеспечивают какую-то иную, независимую от консенсуса, интеграцию.

Поэтому для объяснения «собственных значений» в обществе как инвариантов социального порядка следовало, по мысли Лумана, обратиться к общенаучной методологии, к тому, как они могут быть интерпретированы в рамках других наук: в математике, физике, биологии, нейрофизиологии.

Луман ищет методологические основания для объяснения того, как возникает порядок из рекурсивных, то есть самообращенных, коммуникаций, как возможен порядок, если обсуждаемые в коммуникациях «объективные» предметы не могут служить основанием для рационально выстраиваемого согласия, поскольку являются результатом самоконструирующей деятельности коммуникации. Коммуникация видит и обращается лишь к себе подобным. Порядок — это результат «кругового отношения» коммуникации к коммуникации, ибо лишь в такого рода круговом, замкнутом самоотношении и рождается так называемое «собственное поведение» системы.

Ниже мы сначала рассмотрим структуру коммуникации, а затем обратимся к некоторым методологически важным категориям, релевантным не только для социологии (по крайней мере, в ее лумановской интерпретации), но и носящим междисциплинарный характер. Особый же резонанс они получили в представлениях «радикального конструктивизма». И вообще, для понимания Лумана очень важно увидеть укорененность его идей в более широком теоретико-познавательном контексте.

Понятие коммуникации: информация/сообщение, самореференция/инореференция

Коммуникация, единственная общественная структурообразующая единица, согласно Луману, обладает и внутренней структурой, а именно конституирована тремя элементами: сообщением, информацией и пониманием. Впрочем, эти элементы не следует рассматривать как самостоятельные данности, существующие и сами по себе (вне, до или после коммуникации). Правильнее было бы сказать, что коммуникацию делает возможным отношение этих элементов, конститутивное для нее различие сообщения и информации.

Коммуникация осуществляется в том случае, если осуществляется и это различие: из сообщения выделяется информация. Осознание этого различия⁵ (и одновременно единства) сообщения и информации представляет собой понимание.

Информация есть «различие, которое порождает различие»⁶. «Сообщающий» из всего массива того, о чем можно было бы поговорить, «посылает» именно данное сообщение (первое различие). «Принимающий» сообщение «извлекает» из него информацию, словно создавая определенную конфигурацию из заранее не определенного набора возможностей (медиума), выделяет в нем далеко не все то, что стремился сообщить его собеседник (второе различие). Информация есть то, что изменяет эту коммуникацию, вводит или требует присоединения следующей. Если мне предлагают купить товар, из того, что мне говорится, я выбираю то, что мне нужно, отсеиваю лишнее, извлекаю информацию о свойствах товара, которая и влечет за собой следующую коммуникацию (покупку и платеж).

Проблема же состоит в том, что информация в сообщении сама по себе еще не содержится. Информация, «содержащаяся» в сообщении, есть весьма произвольная конструкция — результат коммуникации, а не обнаружение каких-то свойств или объектов, знаний, которые как-то наличествовали там прежде, еще до начала данной коммуникации. Информацию поэтому нельзя «переработать», «сжать» или «накопить» в памяти, «переписать на другой носитель». То, что в памяти компьютера, человека или же коммуникации «хранится» информация, которую в нужный момент можно было бы «истребовать», является заблуждением⁷. Нельзя путать носители (контейнеры, дискеты, документы, книги, записи), содержащие потенциальную информацию, и саму информацию, которая нигде не хранится, а являет собой актуализирующееся — моментально и только единожды — различие в сообщении, его дифференциацией на то, что остается ин-

дифферентным, и то, что требует продолжения (изменения) системы коммуникации. Сообщение в какой-то мере выступает «носителем», контейнером потенциальной информации; язык, кассета, жесткий диск компьютера – все это функциональные эквиваленты сообщения.

Теперь мы можем ответить на вопрос, что такое память системы (неважно, сознания или коммуникации). Память не является хранилищем записей. Эта структура предпочтений, диспозиций, условие отбора информативного, это система ожиданий, а иногда – весьма произвольный механизм отбора «запомненных» событий и способ конструирования фиктивных историй. В эволюции произошел переход от соматической памяти (реминисценции, требующие буквального воспроизведения) к адаптивной, конструктивной памяти. Хорошую иллюстрацию предлагает память Баудолино – героя одноименной книги Умберто Эко.

Одна из ключевых идей Лумана состоит в том, что «коммуникация является определенным типом наблюдения мира». Здесь нет никакой мистики или метафизики. Коммуникация наблюдает тем, что своими различиями реагирует на различия во внешнем мире (скажем, на коммуникации в других от-дифференцировавшихся социальных системах). В этом и состоит наблюдение. Тем самым актуализируется различие между системой и ее внешним миром. Но различий во внешнем мире системы самих по себе, то есть «объективных» и независимых от системы, не существует. Импульсы, ирритации, исходящие из него, лишь в том случае получают релевантность, если они отбираются самой системой, своими внутренними селективными механизмами превращающей их в информацию. Различия привносятся в мир наблюдателем.

Понимание в коммуникации, по Луману, есть «осознание» различий между сообщениями (внешней стороной формы) и тем, что из них отобрано (информацией – внутренней стороной формы). Для самой простой коммуникативной системы (для интеракции) это может выглядеть так: некто (Альтер) заводит разговор о погоде. В этом сообщении актуализируется инореференция, поскольку темой служит внешнемировая реалья. Реферируя поступившее сообщение, Эго делает вывод и высказывает упрек, что Альтер считает Эго неинтересным человеком, с которым кроме погоды нечего больше и обсуждать. Из сообщения Альтера Эго черпает информацию, отбрасывая то, что Альтер, может быть, хотел сообщить, и именно это направление коммуникацию по новому пути. В коммуникативном вкладе Эго реализовалась опция самореференция/инореференция. В сообщении Альтера Эго мог выбрать первую опцию и продолжить тематизировать

«погоду» (инореференция). Он же своим упреком актуализирует самореференцию, ибо темой коммуникации становится характер протекания самой коммуникации. Вместо вопроса о том, «что» говорят в коммуникации, релевантность получают вопросы о том, «зачем» это говорится. Осуществился переход границы формы. Как только зафиксировано это различие, произошло понимание (неважно, адекватное или нет) и, исходя из этого понимания, происходит следующее коммуникативное высказывание Эго. Эго «понял» коммуникацию, ибо «осознал» различие сообщения и почерпнутой в нем информации.

При всем этом сознания как Альтера, так и Эго остаются когнитивно-недоступными внешними мирами коммуникации. Поэтому проверка своего коммуникативного понимания на достоверность (в данном случае – на его соответствие действительному потоку мыслей Альтера) невозможна дефинитивно, остается коммуникативной реконструкцией сознания как внешнего мира коммуникации.

Для более «продвинутой» системы коммуникаций, скажем для социальной системы науки, инореференцию (открытость этой системы) манифестируют научные теории, ибо в них тематизируются реалии внешнего мира, тогда как научные методы определяют характер протекания научных исследований, а следовательно, и научных коммуникаций, и в этом смысле репрезентируют самореференцию науки, ее замкнутый характер.

После рассмотрения внутренней структуры коммуникации следовало бы перейти к механизмам образования общества, то есть коммуникационной сети. Но для лучшего понимания того, что обеспечивает рекурсивную связь коммуникаций, или, как выражается Луман, их «подсоединение» друг к другу, сначала следует обратиться к источникам лумановской методологии.

Междисциплинарный контекст основных понятий теории социальных систем

Системная рекурсивность и системная замкнутость

Австро-американский биолог, физик и кибернетик Хайнц фон Ферстер предложил систему понятий⁸, которые были положены Луманом в основу его социологической теории. Ферстер же дал и формальное описание закрытого системного процесса, который можно было бы назвать «наблюдением наблюдения с исчезновением наблюдаемого». Элиминация исходного аргумента и волшебное появление

так называемых «собственных значений» (Eigenwerte) и является следствием самоприменимого, или рекурсивного, характера выражений или операций.

Рекурсивность есть обращение к результатам предшествующих операций как к основанию последующих. «Собственные значения» в социальном и биологическом поведении в каком-то смысле аналогичны т.н. «собственным значениям» в математике или физике⁹.

Обобщить эти примеры позволяет следующая формализация фон Ферстера¹⁰. Рекурсивность в наблюдении состоит в том, что наблюдение какого-то положения дел (obs_1) есть результат предшествующей деятельности по координации ($coord$) (то есть трансформации, конструированию, модификации) с начальным положением дел: $Coord(obs_0)$.

$$Obs_1 = Coord(obs_0).$$

$$Obs_2 = Coord(obs_1), \text{ отсюда}$$

$$Obs_2 = Coord(Coord(obs_0)).$$

Конечная формула гласит:

$$Obs_{\infty} = coord(coord(coord(coord...))$$

Эта формула показывает, что сам вопрос о предмете наблюдения (или, словами Лумана, «что-наблюдения?») элиминирован. Релевантным остается лишь вопрос «как-наблюдения?», то есть вопрос о том, посредством каких операций осуществляются наблюдения.

Обобщая, можно сказать: «собственные значения» представляют собой своеобразные различия, «дифференции», средства наблюдения, которые, различая, только и конституируют элементы (различия) и благодаря этому делают их наблюдаемыми. Мы видим только различия, но не видим различений, то есть того, с помощью чего формируются различия (объекты, слова, идентичности, понятия и т.д.). Так в случае знаменитой проблемы «квадратуры круга» наблюдению и измерению доступны диаметр и окружность, в то время как конституирующее их отношение (их единство), а именно «собственное значение» π , оставалось ненаблюдаемым.

Этот общий методологический подход использует Луман, пытается найти «собственные значения» и в социальном мире. И здесь должны обнаруживаться такого рода «латентные медиумы», являющиеся и результатом рекурсивных процессов (коммуникации, обращаясь к коммуникации), и средством для их конструирования. Такими средствами оказываются коммуникативные коды-различия, обеспечивающие рекурсивность коммуникаций, замкнутый характер социальных систем, то есть подсоединение одних внутрисистемных коммуникаций к другим внутрисистемным коммуникациям:

политических — к политическим, научных — к научным, массмедийных — к массмедийным. Сами эти коммуникативные коды как «средства различения» и наблюдения, связывающие элементы системы в единство, остаются ненаблюдаемыми (по крайней мере, на уровне простого наблюдения). Наблюдать их можно лишь на уровне наблюдения (наблюдения второго порядка).

«Собственные значения», как уже говорилось, являются результатом автологических, самоприменимых процессов. Их функция как раз и состоит в обеспечении автономности этих процессов, их независимости от внешних воздействий, закрытости системы и ее дифференциации и от-дифференциации. Таким образом «власть» (коммуникативный код и «собственное значение» в политической системе) ориентирует политические коммуникации так, чтобы они не зависели от «внешнего мира»¹¹ (индивидуальных желаний, физиологически фундированных влечений, а также от коммуникаций в других социальных системах, от науки, экономики, интимных отношений, религии, искусства, являющихся в обществе «внутренними внешними мирами» и т.д.).

Но в условиях от-дифференциации социальных систем их независимость от «внешнего мира» одновременно требует и своего рода «подчинения», ориентации исключительно на свой собственный внутрисистемный код, являющийся одновременно и следствием бесконечно выстраиваемой сети коммуникаций, и средством (причиной), обеспечивающим такое выстраивание.

Самым простым определением закрытого характера системы было бы совпадение начала и конца ее операций, их причин и их следствий. Система должна возвращаться к заданному состоянию. Например, «деньги» (коммуникативный код и «собственное значение» в экономической системе) являются и причиной, и следствием «платежа» как элементарной экономической операции. Однако здесь мы, по видимости, сталкиваемся с парадоксом, поскольку — обусловливаемая закрытым характером оперирования — автономия системы теряет в своей свободе, если начало ее операций должно как-то «совпадать» с результатами предыдущих операций и наоборот. Ведь в этом и состоит ее закрытый характер. Но как совместить эту автономию системы и замкнутый характер системных операций? Закрытость — как совпадение начала и завершения операций — как раз и требует появления собственных значений, обеспечивающих от-дифференцированность¹².

Итак, системы коммуникаций не зависят от их внешнего мира уже в силу того факта, что их конструкции произвольны. Им ничего не соответствует в реальном мире. Коммуникация приспособляет-

ся не к внешнему миру, а только к развившимся в ее рамках институциям (кодам, ожиданиям — своего рода «генотипу коммуникации»). Это не означает отсутствия каузальных воздействий внешнего мира на коммуникацию (без воздуха, транспортирующего звуки, и без бумаги, переносящей письменные знаки, она, естественно, не состоялась бы). Но она не является приспособлением к внешнему миру, подобно тому, как и индивидуальный организм не может приспособливаться к среде, не может вырваться из рамок, задаваемых генетической информацией. Следует говорить не о процессе приспособления к нему его от-дифференцировавшихся форм (например, приспособления форм жизни к химическому и физическому миру, коммуникации — к сознанию и к жизни как ее внешним мирам), но об обратном процессе: о диверсификации мира, об усилении его выделяющихся, отклоняющихся форм. Очень приблизительно можно реконструировать этот процесс.

Первой познавательно релевантной биологической дифференциацией у одноклеточных можно считать появление аксона, что привело к отделению «места познания» от «места реакции» и соответственно отделило время познания от времени реакции. Исчезла пространственно-временная «непосредственность реакции», появилось своего рода время для «обдумывания»¹³. Образование аксонов¹⁴ (дегенерировавших мускульных волокон) и синапсов привело к отделению рецепторного слоя (отвечающего за инореференцию системы организма) от всех остальных нейронных сетей, в которых актуализируется самореференция, сетевая трансляция электрохимических импульсов, «описание описания описания...» и т.д.¹⁵. Это привело к отдифференциации сенсорных процессов от моторных. Возникает закрытая рекурсивная сеть. «Восприятие внешнего мира» в этой рекурсивной сети нейронов являет собой весьма специфический процесс и скорее может интерпретироваться как собственная конструкция последних. В чем же состоит тогда эта конструирующая нейрофизиологическая активность?

Повторное вхождение (re-entry) и его нейрофизиологическая интерпретация

Ученик Х. фон Ферстера Умберто Матурана¹⁶ показал, что само визуальное восприятие состоит не в восприятии каких-то качеств, а в восприятии различий, «восприятии невоспринимаемого». Ведь